

* * *

О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ Г. ПОЛИЛОВА

Сразу оговорю главное: с литературным наследием Полилова я знаком, мягко говоря, весьма выборочно. Мне были доступны книги, переизданные во времена перестроенного издательского бума (исторические повести и романы «Княжой отрок», «Под удельной властью», «Царский духовник», «Боярыня Морозова»), отрывки из книги «Наши деды – купцы»), сборник исторических новелл «Царский духовник» 1911 г. и около ста рассказов, этюдов, очерков, новелл и повестей (а также единственный образец переводной пьесы) из печати рубежа XIX-XX веков. Это, вероятно, не более десятой части того, что он опубликовал за 28 лет писательства (регулярного писательства, впрочем, наберется года 23). И надо сказать, что в этих ста произведениях Полилов предстает совершенно разным писателем, и по стилю и по «идеологии». Поэтому можно ожидать от большей части его наследия, которая осталась мне недоступной, всяких сюрпризов. (Например, я сожалею, что не ознакомился ни с одним образцом его юмористики.) Но все же прочитано и систематизировано не так уж и мало, плюс учтены современные Полилову рецензии на его книжки, юбилейные и некрологические статьи, наконец, обстоятельная и насыщенная фактами и оценками статья Боковой, и в итоге сложилась какая-то картина, которой можно поделиться с любознательным читателем.

В некрологе Полилова (см. выше) Глинский дал во многом справедливую классификацию и оценку значимости его наследия, выделив:

- 1) бытовые романы и рассказы,
- 2) повествования из театральной жизни,
- 3) исторические хроники и рассказы,
- 4) драматические произведения,
- 5) произведения для юношества,
- 6) корреспонденции и хроника,
- 7) рассказы из военной жизни,
- 8) описания Финляндии,
- 9) переводы,
- 10) воспоминания.

Лучшим в наследии Полилова Глинский признал его разработку русского быта — по преимуществу купеческого и из жизни Севера России. Как историк, он также отметил историческую беллетристику Полилова. Она в основном адресована детям, и сегодня, на мой взгляд, абсолютно безнадежна: архаический язык, передозировка сусальности, выпирающий схематизм и сюжетов и персонажей и проч. и проч. Возможно, это лучше читалось бы, будучи объединено в циклы: о Екатерине Великой, о Петре, об Алексее Михайловиче (он у Полилова вышел, по-моему, живее и теплее других).

На втором месте я бы поставил мемуары и прозу Полилова о современности. Если как писатель-историк он позволял себе фантазировать, то как бытописатель он был подчеркнуто, дотошно документален. Это в полной мере проявилось в «Развивателях», обусловив их тотальную кремацию, но это же проявилось (и было понятно современникам, отмечаяемо и рецензентами) и во многих других его романах и повестях: узнаваемы были прототипы «Азарта», «В погоне за славой и золотом» и др., а где прототипов не разглядеть (по крайней мере, с моей колокольни), там скрупулезной до-

стоверностью веет от типов и ситуаций. Несомненно заслуживает переиздания цикл рассказов и повестей о Финляндии, цикл о сценическом быте в России и за границей, слабее выглядят циклы о русско-японской и первой Мировой войнах – видимо, потому, что сюжеты брались из вторых рук, на фронтах Полилов не бывал. Историку промышленности будет очень любопытен цикл рассказов и очерков о стекольных и других заводах. Мне сложно судить, найдут ли современного читателя многочисленные пасхальные и рождественские рассказы и этюды Полилова, но в 1990-х годах их переиздавали, так что, возможно, кому-то они придутся по душе, как и цикл его антиалкогольных рассказов. Сам я и те и другие читал без всякого энтузиазма.

В Полилове всю его творческую жизнь мирно уживались «почвенник» и «западник», которые обычно и тогда, и прежде, и донныне активно воюют друг с другом, часто исходя на эту войну до такого конца, что на творчество уже сил не остаётся. А Полилов, судя по всему, был воспитан в такой двуединости и перенес ее в свою литературу: печатал космополитический «Сон цветочницы» в «Ниве» 1895 года, «Кровавый цветок» (из английского фольклора) в «Пушкинском сборнике» 1899 года, вестерн о пережитом в американском поезде нападении бандитов в «Природе и людях» 1899/1900 года – и серию патриархально-православных очерков в «Русском Паломнике» 1897-1899 годов, заводские рассказы в «Ниве» 1899 года, исторические были в приложениях к «Ниве» на 1900 год. Так же продолжалось и дальше. Он печатался в ультраконсервативных и черносотенных изданиях вроде комаровской газеты «Свет» или журнала «Родная речь», но печатался и в респектабельно-западническом «Вестнике Европы» и даже в эротично эстетском «Пробуждении». Горький летом 1902 года отказывался печатать его рассказы в «Зна-

нии», но в 1905 году очерки Полилова о рыбинской торговле печатает «Знание и Польза». «Новое Слово» в 1910-1913 годах громит Полилова в рецензиях (и довольно заслуженно), но с того же 1913 года начинает печатать его рассказы.

Первые книги у Полилова вышли в 1900 году и были встречены уничижительными рецензиями в «Русском Богатстве» и «Новом Времени» (где рецензентом Полилова оказался Розанов), зато «Природа и Люди» похвалил книжный дебют своего автора, и, кстати, в анонсах на 1904 год уже причислял Полилова к «лучшим представителям современной литературы». Вхождение в списки авторов, обещанных читателю на следующий подписной год, – это хороший маркер популярности, и Полилов фигурирует в таких списках «Русского Паломника» на 1903 год, «Друга Детей» на 1906 год, «Отдыха Христианина» на 1907 и последующие годы, «Огонька» на 1912 и последующие годы, «Мира Приключений» и «Родины» на 1913 год, «Нового Слова» на 1913-1914 годы, и это, конечно, далеко не полный список, а весьма пунктирная и случайная выборка.

Нельзя не отметить двух хороших писательских черт Полилова. Он по-художнически зорок и точен к деталям, дерево, цветок, птица всегда названы у него по имени, профессиональные жаргонизмы, архаизмы, локальные или социальные диалектизмы обильно уснащают авторскую и прямую речь, описания часто удачны, в лучших местах – просто красивы и вдобавок композиционно изящны и уместны. И еще хорошо, что Полилов, до известной степени (за которой, очевидно, тогда начинался модернизм), любил всё попробовать. Про его прозу я об этом уже сказал, но и в пьесах Полилов берется и за фарсы и за агитки, и за эпические вещи вроде 5-актной переделки «Анны Карениной». И с музой стихотворства пробует играть: пишет слова к ноктюрну Н. Соколова «Над обрывом...» (1887), а в исторической повести вдрут

исподволь переходит на сказ, ритмизированную прозу и чуть ли не на белый стих.

Плохая же для писателя-реалиста слабость психологической разработки персонажей ретроспективно из сегодняшнего дня порой покажется то стильной бесчувственностью декаданса, то предчувствием экзистенциализма, то еще чем-то таким... но всё, конечно, не так красиво, и персонажи клацают как деревянные марионетки не оттого, что кукловод нашел в этом новизну эстетики, а оттого, что из марионеток сам он. Это профессиональная слабость многих авторов, пришедших в словесность из мира сцены: упрощенные законы сценической жизни так и норовят заслонить от них богатство жизни реальной, не говоря о сверх-реальной.

Но как ни парадоксально, при всей своей технической слабости Полилов сумел-таки выработать авторский стиль! Я с изумлением обнаружил это, когда, листая подшивку очередного старого журнала, наткнулся на неподписанный рассказ, скользнул, как говорится, «по диагонали», перелистнул – поймал себя на мысли «до чего похоже на Полилова» – вздрогнул, заглянул в оглавление номера, и точно: там автор был указан. Позже были обратные случаи, когда мне попадались очерки или рассказы, соблазнительно подписанные «Г. С.», но совсем не полиловские на вкус, и дальнейшее чтение открывало, что это не «Г. Северцев», а, например, «Г. Сурин» или еще кто-то.

Когда я задумался над этим феноменом, то понял, что и в построении сюжета у Полилова есть свой фирменный знак: полное отсутствие надрыва и трагедии. Его герои легко калечатся и умирают, изменяют и бегут из семьи, убивают и накладывают на себя руки, спиваются и крадут, впадают в грех кровосмешения, и проч. и проч., но истекают при этом не кровью, а, как и положено марионеткам, – клюквенным соком. Да и его-то не показывает нам безмятежный автор,

вовремя опуская занавес. Так же и любовь или страсть рифмуется у них не с кровью, а так – с розовой водичкой. Плохо? Да, но куда не денешься – это авторский стиль, это позиция Полилова. Да об этой его черте, понятой как беззлобность, написали почти все некрологи.

Застав две войны и революцию, Полилов на них откликнулся рассказами, где русский братается с японцем, а немец выглядит едва ли не человечнее русских – при том, что Полилова в русофобии не заподозришь при всём желании. Вернитесь на страницы с любой его парадной фотографией анфас: мягкая улыбка, благодушный взгляд, интеллигентное пенсне, европейский галстук. Вот так он и глядит на своих раскольников, сумасшедших, изуверов, нудистов, пытошных мастеров, астрологов, иконописцев, феминисток – титлами его персонажей можно исписать абзац прустовского размера, его театр не снился никакому Карабасу, он без преувеличения – планетарный, и если верить Гегелю, это количество не могло не перерасти в качество.

Какое качество? Это отдельный вопрос, и скорее всего из тех, на которые каждый должен ответить сам. Он сумел замешать изрядный кусок себя (а то и всего себя) в свою прозу и тем самым обрел специфическое писательское бессмертие, благо что в прозе его найдется что-то *цепляющее* для довольно многих. Я, конечно, физически не мог втиснуть в этот томик всего, что сумел достать из полиловских сочинений, но постарался представить его разными сторонами. К «Развивателям» естественно примыкает еще один рассказ о Плесе и пара рассказов о художниках, натурщиках и том, что между ними случается; затем мы переходим к мемуарным рассказам о странствиях за границей, потом возвращаемся в Россию через ее финский край (где в 1910-х годах кипит общественная жизнь), проходим через несколько северных монастырей и промыслов и окунаемся в прошлое из эпох от

Алексея Михайловича до Екатерины, оттуда через дневник полиловского дяди, мечтавшего об освобождении крестьян, попадаем в мир литейной и стекольной промышленности, делаем зигзаг на войну и завершаем экскурсию по полиловскому театру там, откуда начали – серией рассказов о пробудившихся женщинах.

Е. Шиховцев

